

СВЕТЛАНА СЕРВИЛИНА

ON
AIR

РАПСОДИЯ
ДЛЯ КОНТРАЛЬТО

ДЕТЕКТИВ

Светлана Сервилина

Рапсодия для контральта

«Издательские решения»

Сервилина С.

Рапсодия для контральто / С. Сервилина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502647-7

Руководитель фольклорного ансамбля найдена мертвой в гостиничном номере. Коллеги убитой отрицают свою причастность к преступлению, хотя у многих из них был серьёзный мотив. Но почему никто не слышал выстрела? Юлия Симонова начинает расследование. Журналистку не останавливает даже совершенное на неё покушение. Она выясняет не только имя преступника, но и его тайну.

ISBN 978-5-00-502647-7

© Сервилина С.
© Издательские решения

Содержание

Рапсодия для контральто	6
1 глава	8
2 глава	14
3 глава	21
4 глава	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Рапсодия для контральто

Светлана Сервилена

Дизайнер обложки Николай Красненко

© Светлана Сервилена, 2019

© Николай Красненко, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-2647-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СВЕТЛАНА СЕРВИЛЕНА

ВСЕ ПЕРСОНАЖИ И ОПИСЫВАЕМЫЕ СОБЫТИЯ В ЭТОЙ КНИГЕ ВЫМЫШЛЕНЫ.
ЛЮБЫЕ СОВПАДЕНИЯ С РЕАЛЬНЫМИ ЛЮДЬМИ ИЛИ СОБЫТИЯМИ,
ЯВЛЯЮТСЯ СЛУЧАЙНОСТЬЮ.

Рапсодия для контральто

*Безнаказанность для преступника,
как овация для актера.*

*Эдуард Севрус
Писатель*

В подъезде старой панельной «хрущевки» было грязно и пахло сыростью из подвала. Девушка фыркнула и стала быстро подниматься по ступенькам. Её каблучки звонко простучали до пятого этажа и остановились. После дребезжащего звонка прошла минута, прежде чем дверь, обитая дерматином, со скрипом отворилась, и в проеме показалось небритое лицо мужчины средних лет в несвежей майке и потертых «трениках». Он смерил гостью оценивающим взглядом и спросил, почесывая заросший подбородок:

– Чё надо?

Девушка суетливо полезла в дамскую сумочку, висящую на плече, но потом резко отдернула руку, словно её пальцы там кто-то схватил острыми зубами, и тихо проговорила:

– Привет от Цезаря!

– Так бы сразу и сказала! Проходи, – хозяин распахнул перед ней дверь, а сам вышел в подъезд и прислушался. Потом, на всякий случай, оперся животом на перила и, щурясь, посмотрел в лестничный проём.

– Одна пришла?

– Одна.

Гостья сделала несколько робких шагов и остановилась в нерешительности в захламленном коридоре. Она хотела снять обувь, но, увидев грязные полы, осталась в сапогах.

– На кухню иди, – кивнул мужик, – садись вон на ту табуретку.

Она послушно прошла и села.

– Ну и? – хозяин расположился на стуле напротив.

– Вы сможете переделать травматический пистолет в боевой? – виновато спросила она.

– Показывай, – ухмыльнулся тот.

Девушка оглянулась по сторонам и, достав из сумочки оружие, аккуратно положила его на стол.

– Так, – мужик повертел пистолет в руках, – для самообороны приобрела или для охоты?

– А вам-то зачем это знать? – вдруг осмелела гостья. – Вы скажите прямо: сделаете или нет?

– Сделать-то я сделаю, но предупреждаю, чтоб знала: за стрельбу из такой штукотины тебя привлекут к административной ответственности, а вот когда я переделаю его в боевой, – он провел пальцем по стволу оружия, – пахнет уже «уголовкой». Хочешь на зону попасть?

– Нет, конечно, – растерялась она.

– Между прочим, застрелить можно даже из детского пластмассового пистолетика, – хмыкнул хозяин, – смотря куда метиться и чем зарядить. А ты, значит, с этим ТТэшкой на охоту собралась?

– На охоту.

– Зверь крупный?

– Не мелкий.

– Ну если не мелкий, – он покачал головой и после недолгой паузы заговорил, – внешне ТТэшки практически не отличаются друг от друга. Что пневмо, что травматика, что боевой. Все выпускаются на Ижевском оружейном заводе. Но по степени причиняемого вреда разница огромная. Так-то, барышня!

Девушка внимательно слушала мастера.

– Знаешь, сколько я беру за работу?

Она молча кивнула.

– Оставь задаток.

– Сколько?

Он назвал сумму, а гостья достала купюры из кошелька и положила перед хозяином на стол.

– Тебя кто-то обидел? – смягчившись, спросил он.

– Да, – махнула она головой.

– Ладно, сделаю.

– А когда?

– Приходи через неделю.

Она встала и прошептала:

– Спасибо.

– Не за что пока, – он посмотрел на неё, потом на пистолет, одиноко лежащий на столе.

1 глава

Март 2005 г.

Молодая женщина зашла в торговый центр и оглянулась, выискивая взглядом свободную тележку для покупок. Ни одной! Нескончаемый поток людей, входящий и выходящий через стеклянные двери супермаркета, и пустое сиротливое место, где обычно стоят пластмассовые корзины и продуктовые коляски. Так всегда бывает перед праздниками. Юлия Симонова в очередной раз отругала себя за то, что не позаботилась о покупках заранее. Но вырваться с работы в последние дни было просто не реально. На телестудии «Телеком» перед международным женским днем был страшный аврал: передачи, сюжеты, репортажи. Главный редактор нагроулила всех сотрудников заданиями, а ей, Юле, досталось больше других. Только вчера она закончила монтаж своей авторской программы, а сегодня, шестого марта, уже уезжала в командировку в Оренбург на фестиваль художественной самодеятельности. Конкурсная программа ожидалась насыщенная. В течение недели творческие коллективы из восьми городов представят номера по нескольким номинациям: групповое пение, сольное, фольклор и танцы. А основной задачей съемочной группы все это снять и, разбавляя информацией о городе, фестивале, других конкурсантах, сделать целую серию репортажей для показа в эфире ведомственного телеканала.

Предстояла длинная дорога на автобусе вместе с художественной самодеятельностью предприятия «Нефтегазмет», в состав которого входила и студия «Телеком». Поэтому Юлии Симоновой для начала надо было запастись едой на всю дорогу до Оренбурга и купить продукты для дочери, которая изъявила желание всю неделю, пока будет отсутствовать мама, жить одна, а не переселяться, как было раньше, к бабушке. Юлия не стала спорить с девочкой, решив, что Марта – человек серьезный и самостоятельный. Тем более, что через несколько дней ей исполнится тринадцать лет. Журналистка еще раз обвела взглядом суетливую толпу надеясь, что кто-нибудь начнет освобождать тележку от покупок, но тут услышала за спиной свое имя. Она оглянулась и рядом с входом в торговый зал увидела Лену Веселову из фольклорного ансамбля «Рапсодия».

– Привет! – помахала она ей рукой.

– Осталась без коляски? – улыбнулась приятельница, кивая на тележку перед собой. – Можем пользоваться одной! Или ты собралась основательно затариться, и тебе нужна отдельная?

– Нет, думаю я тебя сильно не стесню, – радостно отозвалась журналистка и пошла с Еленой рядом, – хотела продукты в дорогу купить. Что еще делать в автобусе пятнадцать часов?

– Так ты с нами едешь в Оренбург? – поглядывая на полки с консервами, спросила девушка.

– Да, будем снимать фестиваль.

– А оператор кто?

– Слава Дьяков.

– Не знаю такого, – пожала плечами Лена, – нас всегда снимал Витя Николаев. Он же у вас самый лучший оператор, да?

– Да, – кивнула Симонова, но продолжать разговор на эту тему не стала.

С Виктором она не разговаривала уже несколько месяцев, и это ее очень угнетало. Конечно, она бы с удовольствием поехала в командировку с ним, учитывая его профессионализм в работе и их трепетные чувства друг к другу. Но в графике съемок оператором был записан Дьяков, и так тому и быть. Славик – приятный парень, вежливый, воспитанный и относится с уважением к ее особе, так что это лучший вариант из всего операторского цеха их телестудии.

Вернувшись домой, Юля разложила покупки по полкам холодильника и заглянула в комнату дочери.

– Марта, давай я тебе покажу, что и где лежит на кухне, – предложила она, – чтобы тебе легко было ориентироваться тут без меня.

– Мам, – девочка улыбнулась, – я сама разберусь. Не маленькая.

Женщина только пожала плечами и направилась в свою комнату, с иронией прошептав:

– Не маленькая...

К четырем часам вечера она уже была у Дома культуры предприятия «Нефтегазмет». Современный автобус стоял у самого входа в здание, а вокруг собралась разношерстная толпа, состоящая из отъезжающих и провожающих. Юля поднялась по ступенькам и направилась вглубь по проходу между креслами искать свободное место.

– Вы с телевидения? – раздался голос за спиной.

– Да, – журналистка оглянулась и увидела мужчину за рулем. Он сидел за матовой стеклянной шторой, как в кабинке, поэтому она его не сразу заметила.

– Тогда ваши места самые первые, – он кивнул на кресла у входа, – так Ираида Федоровна распорядилась. Слева за мной будет сидеть она со своей Жулькой, а около выхода – съемочная группа.

Юля кивнула, удивленно подумав: «С Жулькой? Неужели директор клуба возьмет с собой собаку?» Она небрежно бросила свою спортивную сумку на место у окна и вышла из автобуса. Журналистка с любопытством рассматривала стоящих людей, пытаясь отыскать знакомые лица. Наконец, она увидела директора Дома культуры «Нефтегазмета» – Линькову Ираиду Федоровну. Это была пышногрудая дама с русыми кудрями. Поговаривали, что её стремительная карьера началась с того момента, как поменялось руководство Нефтегазового гиганта пять лет назад. Новый генеральный директор сделал кадровые перестановки и поставил своим заместителем по общим вопросам достаточно молодого и перспективного специалиста – Дмитрия Мостового. Ираида на одном из корпоративных вечеров шаловливо выплясывала в фольклорном костюме так, что ее бюст несколько раз задел слегка опьяневшего Дмитрия Захаровича. С того момента ансамбль русской песни «Рапсодия» стал неотъемлемой частью художественной самодеятельности предприятия, а Линькова сначала возглавила свой родной фольклорный коллектив, а потом и ведомственный Дом культуры. Ее низкий голос с начальственными нотками теперь можно было услышать на всех мероприятиях города, а за глаза Ираиду всё чаще стали называть «генеральшей». Юля несколько раз брала у Линьковой интервью и успела оценить её профессиональные способности. С первого взгляда могло показаться, что Ираида Федоровна всей душой болеет за свой коллектив, за всю художественную самодеятельность, взращивает юные таланты и трудится, не покладая рук, на благо отечественной культуры. Но это были только слова чиновницы, заученные шаблонные фразы и ни капли искренности. Однако в целом Линькова была приятной женщиной, улыбчивой и хлебосольной. Журналистка сегодня впервые увидела ее рядом с мужем. Хотя мужчине было не больше тридцати пяти лет, одет он был, как богатенький дяденька девяностых – в добротную кожаную куртку и норковую шапку. Он смущенно улыбался, глядя на жену. Два сына-школьника младших классов поцеловали Ираиду по очереди, а она шутливо всем троим, включая супруга, погрозила пальцем. Юля наблюдала за этой сценой с интересом, подумав, что мужа и сыновей «генеральша» держит в ежовых рукавицах так же, как и весь коллектив клуба.

– Через пять минут отъезжаем! – крикнула она в толпу своим знаменитым контральто.

Все сразу засуетились. Артисты стали подниматься в автобус, прощально помахивая руками, а провожающие отошли на почтительное расстояние с проезжей части. Когда захлопнулась дверь, и водитель завел двигатель, Юля с испугом посмотрела на место рядом с собой. Славика Дьякова на месте не было.

– Ираида Федоровна, – растерянно обратилась она к руководителю творческой делегации, – у меня оператор не пришел!

– Не волнуйся, Юлия, – ответила Линькова, – мы заберем его по пути у телестудии с аппаратурой. Мы с ним договорились.

«Какой, оказывается, ушлый Славик, – усмехнулась про себя журналистка, – уже успел созвониться с Линьковой. Мог бы и меня предупредить!»

Каково же было ее удивление, когда автобус остановился у родного «Телекома», и в распахнувшейся двери появился Виктор Николаев. Артисты с радостью стали приветствовать оператора, как близкого друга. Доброжелательно улыбаясь, он заботливо сложил аппаратуру на заднее сиденье и плюхнулся рядом с Юлей.

– Славик заболел, – коротко пояснил он.

Когда за окнами автобуса замелькали покосившиеся деревянные домишки окраины города, Ираида Федоровна поднялась со своего места и громко сказала:

– Народ, внимание!

Все моментально притихли и повернулись к руководительнице, напряженно выглядывая из-за спинок кресел.

– Я в Оренбург лечу самолетом, – без объяснений причин продолжила Линькова, – а за себя оставляю своего заместителя – Ульяну Леонидовну. Прошу любить и жаловать!

Тут же с соседнего кресла вскочила худошавая женщина со стрижкой под мальчика. Она смешно и даже карикатурно смотрелась рядом с Ираидой, выделяющаяся на общем фоне всего коллектива своими аппетитными формами.

– Все вопросы, которые возникнут во время поездки, будет решать она, – «генеральша» снисходительно посмотрела на своего заместителя. Та подобострастно закивала головой.

– Завтра утром вы прибудете в Оренбург, – продолжила Линькова озвучивать план на ближайшие сутки, – и разместитесь на ведомственной базе отдыха «Лесные жители» в десяти километрах от города. Мы встретимся с вами на репетиции в клубе «Прометей» в два часа дня. Ведите себя хорошо тут, не балуйтесь! – добавила она игриво.

После короткой речи, она накинула на плечо дамскую сумочку и царственно двинулась на выход.

– Ираида Федоровна, – Ульяна услужливо потянула ручку вместительного чемодана, стоящего перед креслом, – а ваши вещи?

– Муля, не нервируй меня, – громогласно засмеялась Линькова, поглядывая вглубь салона автобуса, по-видимому, ожидая поддержки ее «оригинальной» шутки.

Оттуда, действительно, раздались несмелые смешки подчиненных.

– Копейкин уже получил задание. Да, Паша?

– Конечно, – со второго ряда встал коренастый мужчина лет тридцати и растянул пухлые губы в улыбке, – все будет сделано, Ираида Федоровна! Доставим ваши вещи в полной сохранности!

– Ну вот и славно, – руководитель клуба помахала рукой самодеятельным артистам, – до встречи!

Автобус остановился, директриса спрыгнула со ступеньки и направилась к черной иномарке, стоявшей у обочины дороги.

Как только водитель автобуса закрыл двери, по салону пробежал вздох облегчения.

– Ура, товарищи! – бойко крикнул Марк Пшеничный, солист мужского квартета «Волжане».

– Чему это ты радуешься? – начальственным тоном спросила Ульяна и строго посмотрела на весельчака.

– Ульяна Леонидовна, это он так выражает эмоции по поводу высокой чести, которое оказало ему предприятие «Нефтегазмет», направив на фестиваль в славный город Оренбург! – с иронией ответил Руслан Карсанов.

– Знаю я по поводу чего у вас эмоции, – пробурчала женщина и, подозрительно осмотрев пассажиров, вернулась на свое место.

– Жулька выслуживается, – услышала Симонова шепот сзади и оглянулась. Прямо за ней сидела незнакомая черноволосая девушка со стрижкой «каре», а рядом – Элина Ермоленко, руководитель студии бальных танцев.

– Здравствуйте, Юля! – улыбнулась Эля.

– Здравствуйте!

– Вы знакомы? Это наша солистка Зарема Хубиева., – представила она свою соседку.

– Очень приятно, – журналистка протянула ладонь и назвалась.

– Юля, привет! – крикнула сидящая через два ряда Ольга Арсенова.

Симонова привстала с места и помахала девушке рукой, а потом, просунувшись между спинками кресел, спросила вполголоса у Заремы:

– А где же собачка?

Хубиева и Ермоленко переглянулись.

– Какая собачка? – спросила Элина.

– Жуля, – растерянно ответила Юлия.

Оби молодые женщины одновременно засмеялись.

– Вон, – Зарема вытянула указательный палец, показывая на заместителя Линьковой, – за водителем сидит. Ульяна Леонидовна Жулина, а все ее в клубе «Жулькой» зовут.

– Ах вот оно что, – усмехнулась Симонова и, не желая продолжать эту неловкую тему, предложила, – мне мама в дорогу напекла пирожков с разными начинками. Давайте перекусим?

– Ой, правильное решение, – согласилась Ермоленко, – я тоже набрала с собой продуктов столько, что весь автобус можно накормить!

– И у меня еды – целый пакет, – засмеялась Зарема и громко обратилась ко всем,

– Ребята, кто будет хычины? Сама делала, учтите!

– Давай сюда, Заремущка! В прошлый раз, помню, я чуть язык не проглотил, – весело крикнул статный парень с модной стрижкой.

Тут же зашуршали пакеты со всех сторон, и аппетитно запахло едой, как будто это не салон автобуса, а придорожное кафе. Все стали активно угощать друг друга съестными запасами.

– Будешь? – Юлия протянула пирожок Виктору.

– Сама пекла? – улыбнулся мужчина, вынимая наушники из ушей.

– Нет, мама. Мне некогда было, – честно призналась она.

– Ладно, давай, – махнул рукой Николаев, – у твоей мамы тоже неплохо получаются пироги.

– Неплохо? – с иронией переспросила Симонова и покачала головой.

Виктор достал из своей сумки термос и, налив вареный кофе в большую кружку, подал сотруднице.

– Постой, – она торопливо пошарила рукой в пакете и достала бокал, – налей мне сюда!

– Выпьем за мир? – Виктор аккуратно стукнул своей посудинкой о край Юлиного бокала.

– За мир, – кивнула она и отхлебнула кофе, – вкусный!

Уплетая пирожки с кофе, они молча поглядывали друг на друга, словно боялись разрушить возникшее перемирие.

«Случайно или нет оказался здесь Виктор, это уже не важно, – подумала Юлия, – главное, чтобы в командировке не было причин для выяснения отношений и высказывания взаимных

обид. И ни в коем случае не показывать вида, что он мне по-прежнему безразличен. Пусть думает, что я остыла. Так будет проще и спокойнее».

– А ты всех тут знаешь? – спросила она, спустя какое-то время.

– Практически всех, – пожал плечами оператор, – снимал их сто раз, да и в командировки с ними уже ездил.

– Расскажи вкратце, – попросила Симонова, – все-таки с этими людьми нам целую неделю общаться.

– Начнем с фольклорного ансамбля «Рапсодия», – он задумался, – шесть человек: три женщины и трое мужчин. Ну, девушек ты знаешь: Лена, Ольга и Ираида. Вон тот накаченный блондин, который с аппетитом уплетает Заремкины хычины, Алексей Городулин.

– Лешу я тоже знаю, – улыбнулась журналистка, – и Валеру Тельнова с Олегом Задереем.

– Да, точно, – хмыкнул Николаев, – мы же про них репортаж делали. А с мужским квинтетом познакомилась?

– Я там знаю только двоих: Марка и Руслана. Звукорежиссер Паша Копейкин познакомил, когда мы со Славиком Дьяковым снимали в клубе новогоднюю сказку для детей.

– Хорошие ребята, – Виктор открыл термос и налил себе еще кофе.

– Да, – согласилась она и протянула пирожок заместителю директора, – Ульяна Леонидовна, попробуйте стряпню моей мамы!

Жулина тут же повернулась на голос соседки и, смущенно взяв угощение, тихо проговорила:

– Спасибо, Юля.

Между тем Николаев продолжил:

– В квартете «Волжане» кроме Марка и Руслана ещё Вася Драпак. Даже не знаю, что про него сказать. Тихий, спокойный, семейный, – продолжил Виктор, – а рядом с ним паренек небольшого роста, видишь?

– Да, – Симонова оглянулась и протянула одноразовую тарелку с пирожками через проход знакомым девушкам из фольклорного ансамбля, – Лена, Оля, угощайтесь! Они еще тепленькие!

Пока артистки брали пирожки и благодарили, Симонова с любопытством разглядывала мужчин, сидящих на последних рядах.

– Это Дамир Исмагилов, очень талантливый юноша. Он самый молодой в коллективе, но уже успел жениться и стать отцом. Дамир поет в квартете всего полгода. Зарема Хубиева, работает на заводе бухгалтером, а танцоров я и сам не знаю, – Николаев махнул рукой, – у Элины этих малолеток несколько групп.

– Не такие уж они и малолетки, – не согласилась журналистка, – им уже по лет пятнадцать – шестнадцать.

– Ну нам-то они почти в дети годятся!

– А кто вон тот пожилой мужчина, который сидит у окна в самом углу?

– Это второй водитель, – ответил Виктор, – они посменно ведут автобус. С ним я лично не знаком.

За окном проплывала необъятная степь с редкими островками потемневшего снега. Время от времени вдоль трассы мелькали деревца, стыдливо дрожа тонкими голыми веточками, словно обнаженные девицы. Солнце медленно спускалось к горизонту, подсвечивая облака холодным сиреневатым светом. Чем дальше отъезжали от родных мест, тем становилось грустней. Однообразный степной пейзаж и легкое монотонное покачивание автобуса убаюкивали путешественников. Неожиданно в середине салона раздалось сопрано:

– А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер!

Веселый ветер, веселый ветер!

Моря и горы ты обшарил все на свете

И все на свете песенки слышал.

Тут же песню из любимого фильма детства «Дети капитана Гранта» подхватило несколько голосов. Юля повернулась к артистам и тоже стала бойко подпевать, а Виктор, вынув из кофра камеру, начал снимать. Не успели закончить задорный марш, как кто-то запел легендарную «Катюшу». Песни сменяли одна другую: от романтично-печальной «На тот большак» до военно-патриотической «Нам нужна одна Победа» из кинокартины «Белорусский вокзал».

Когда артисты, наконец, умолкли, утомленные дорогой, водитель остановил автобус и громко крикнул:

– Последняя остановка перед сном!

Все начали двигаться к выходу, легонько подталкивая впереди идущих в узком проходе. Юля спрыгнула со ступеньки и оглянулась. Темная степь и ни одного огонька. Как будто они уехали на край земли, где всё вымерло. И только пронизывающий холодный ветер, неумолимо толкающий сонных путников из стороны в сторону. Он не знает сочувствия, он пробирается своими колючими щупальцами под одежду и выгоняет оттуда тепло.

– Мальчики – налево, девочки – направо, – скомандовала Жулина и быстрым шагом направилась за одинокую автобусную остановку.

– Юль, иди сюда, – позвала из-за невысокого бугорка Ольга.

Осторожно ступая, журналистка направилась на звук голосов.

– Фу, здесь уже кто-то был, – прошептала она.

– БылИ, – выделяя последнюю букву, поправила её Веселова, – словно целое стадо прошло, поэтому смотрите все под ноги!

Возвращаясь бегом к автобусу, Юля резко остановилась и задрала голову к небу, рассматривая, словно впервые, сверкающую панораму.

– Какое небо! Звезды, как на ладони, а Большая Медведица какая яркая!, – восторженно проговорила она.

– А вон созвездие Лебедя, – голос Виктора раздался рядом.

– Где?

Он сделал глубокую затяжку и, взяв Юлю за плечи, слегка повернул.

– Видишь? – вытянув в небо палец, произнес он. – Звезды расположены в виде креста.

– Вижу, – радостно воскликнула она.

На мгновение мужчине показалось, что они только вдвоем в этой темной необозримой степи под сверкающим небом. Он ощутил такую нежность к Юлии, что еле сдержал себя, чтобы не прижать её к себе.

«Она ко мне относится, как к сотруднику и не более. Ну и пусть. Не надо показывать, что я по-прежнему, схожу от нее с ума. А то опять начнутся разборки и обиды. Пусть будет так, как есть», – подумал Виктор.

– Пойдем во внутрь, – он кивнул на автобус, – а то замерзнешь.

– Все на месте? – спросил водитель и, услышав утвердительный ответ Паши Копейкина, выключил в салоне свет. Через некоторое время пассажиры погрузились в сон.

2 глава

Новый день, словно несмышленный человеческий детёныш, зарождался на Земле. Многоголосье и свежее дыхание раннего утра бодрило и вселяло надежду на то, что сегодня обязательно случится что-то хорошее. Юля открыла глаза и увидела в окошке разлапистые ели, покрытые серебристым снегом. В лучах восходящего солнца он сверкал, словно россыпь драгоценных камней, преломляя яркий свет своими многочисленными гранями. Автобус въехал в раскрытые ворота и остановился рядом с двухэтажным зданием, над стеклянными дверями которого висел броский плакат: «Приветствуем участников седьмого фестиваля художественной самодеятельности предприятия «Нефтегазмет»!

– Приехали, – громко сообщил водитель.

– Народ, спать будете дома, – крикнула вглубь салона Ульяна, натягивая на себя полушубок, – на выход с вещами.

– А сколько времени? – раздался сонный голос звукорежиссера Паши.

– Почти восемь, – бойко ответила Жулька.

Зевая и неловко толкаясь, самодеятельные артисты стали вяло надевать на себя теплые вещи и направляться к дверям. Юля наблюдала из окошка, как из здания вышла дама в роскошной норковой шубе, держа в руках раскрытый журнал. Осторожно ступая по ступенькам на высоких каблуках, она подошла к автобусу. Женщина мило улыбалась выходящим из него артистам и, спросив фамилию, вручала ключ от номера с большим деревянным набалдашником.

– Симонова? – переспросила она, когда назвала себя Юля. – А я уже отдала ваш ключ. Номер двести первый.

Журналистка кивнула и пошла в гостиницу, прикидывая в уме, с кем её поселили. По пути её обогнали две длинноногие девушки из ансамбля бального танца.

«Интересно, сколько у меня будет соседок?» – мимоходом подумала корреспондентка, оглядывая просторный вестибюль.

За её спиной послышался смех.

– Юля, приходи к нам в гости, – весело сказала Ольга Арсенова и показала деревянную грушу с номером, – в сто второй!

– Зайду, – пообещала Симонова, – я ещё, правда, не знаю, с кем меня разместили.

– Заходи лучше к нам, – игриво предложил Марк Пшеничный.

Журналистка с улыбкой покачала головой и стала подниматься на второй этаж. Она заглянула в приоткрытую дверь своего номера и с удивлением обнаружила в тесном коридорчике штатив, камеру в чехле и вещи Виктора.

– Я не поняла. А это что такое? – удивленно подняв левую бровь, строго спросила она.

– Проходи, – спокойно проговорил Николаев и потянулся к аппаратуре, – я сейчас это всё разложу по полкам. Здесь большой шкаф.

– Интересно, – Юля поставила свою дорожную сумку на пол и, стоя на пороге, спросила у оператора, – а кто составлял списки по размещению нашей делегации?

– Что-то не так? – услышала она сзади вкрадчивый голос.

Журналистка развернулась и увидела Ульяну Леонидовну.

– Просто я думала, что в комнатах будут мальчики с мальчиками, а девочки с девочками, – пожалала плечами Симонова, глядя в упор на заместителя директора клуба.

– Так и есть, – улыбнулась Жулина, – но вы-то семейная пара, поэтому вас это не касается!

– Мы с Николаевым? – Юле стало вдруг жарко, и она начала расстегивать дубленку.

– Ульяночка, – в проеме показалось лицо Виктора, – официально мы еще не женаты. Только подали заявление в ЗАГС!

– В таком случае, если вы против, Юля, – Жулька вежливо протянула руку в сторону соседней двери, – то можете расположиться со мной. Я в номере буду жить одна.

– Спасибо, – женщина перевела взгляд на Николаева, который замер в ожидании её решения, – так и быть, останусь здесь. Всё-таки, мы съемочная группа, и нам удобнее наметать планы и...

Виктор не дал ей договорить.

– Всего доброго, – кивнул он Жулиной и, энергично схватив сумку корреспондентки, потащил её в комнату.

– Так это ты постарался? – Юля плюхнулась на кровать и с иронией посмотрела на бывшего любовника.

– Да, я постарался, – он подошел к ней вплотную и медленно опустился рядом, – лично мне лучше с тобой жить в номере, чем с каким-нибудь певцом-голубком!

– Ах, вот, оказывается почему, – она приняла воинственную позу, – просто тебе со мной комфортнее, да?

– Совершенно верно! Курить ты в номере не будешь, девушек приводить на ночь тоже не станешь. При случае – накормишь пирожками и заправишь постель, – засмеялся Виктор и повалил молодую женщину на кровать, пытаясь поцеловать.

– Стоп! – она легонько стукнула его в грудь. – Веди себя прилично!

– Так мы же помирились.

– И только! – строго сказала Юля.

Она встала с кровати и стала разбирать свою сумку.

– Зануда, – пробурчал Николаев и, изобразив обиду на своем лице, направился за своими вещами в коридор.

Симонова уже раскладывала косметику на своей тумбочке, когда в дверь осторожно постучали. Она шустро перепрыгнула через камеру и штатив, которые всё еще были у входа, и распахнула дверь. Ульяна Леонидовна стояла на пороге, держа в руках сотовый телефон.

– Юля, сейчас звонила Ираида Федоровна. Расклад такой: сначала все идут на завтрак, потом артисты садятся в автобус и отправляются на репетицию в клуб, а за вами придет легковая машина, в которой будет представитель пресс-центра фестиваля. Вас провезут по городу и покажут местные достопримечательности, чтобы вы все это снимали. А потом уж сами решайте: или к нам в клуб подъедете, или сразу сюда на базу.

– Хорошо, – кивнула журналистка.

– Я дам твой номер, чтобы с вами связались по поводу экскурсии?

– Конечно.

Юля вернулась в комнату и спросила мужчину:

– Слышал план работы?

– Да, – он усмехнулся, – только на фига нам в клуб потом тащиться? Лучше поболтаемся по Оренбургу, сделаем несколько планов и сюда, в теплую постельку.

– Кто о чём, а вшивый о бане, – пробурчала женщина, пряча улыбку.

Представителем пресс-центра фестиваля оказался симпатичный парень лет двадцати двух, одетый модно и немного не по сезону. Черный кашемировый френч с лиловым шарфом смотрелись стильно, но кожаные полусапожки с узкими носами то и дело скользили на ступеньках гостиницы. Юля, глядя на незнакомца, вдруг вспомнила слова Жени Лукашина обращенные к Ипполиту из фильма «Ирония судьбы или с легким паром».

– А у вас ботиночки на тонкой подошве!

Из-за гололеда юноша смешно балансировал, когда взял тяжелый штатив, чтобы помочь Виктору. Он неуклюже ухватился за ручку автомобиля, на котором приехал, и крикнул водителю:

– Анатолий Степанович, откройте багажник!

Когда, наконец, все уселись в теплый салон, и машина тронулась, он представился:

– Александр Бубнов, – и с улыбкой добавил, – можно просто Саня. На время фестиваля я буду вас везде сопровождать. Сегодня, например, у нас обзорная экскурсия по городу, а завтра с утра можно съездить по магазинам и на рынок. Вы же хотите купить оренбургский пуховый платок?

– Я не собиралась, – пожала плечами Юля, – но как сувенир кому-нибудь в подарок в принципе можно...

– Если надумаете, я вам покажу место, где продаются и платки, и шарфы по приемлемым ценам, а главное, они качественные, – оптимистично пообещал парень.

– В этот выюжный неласковый вечер,

Когда снежная мгла вдоль дорог,

Ты накинь, дорогая, на плечи

Оренбургский пуховый платок, – подражая голосу Людмилы Зыкиной, затянул Николаев, хитро поглядывая на пассажиров.

Откинувшись на заднем сидении, Симонова лениво похлопала в ладоши, когда оператор замолчал.

– Мы обязательно съездим, но только в другой раз. Ведь завтра открытие фестиваля.

– Хорошо, начало в шестнадцать ноль ноль, – кивнул Бубнов, – я приеду за вами примерно в два часа. Вы успеете взять интервью?

– Вполне.

– А в каком номере разместились? – Саша с улыбкой посмотрел на журналистку.

– В двести первом, – ответила она.

– А вы? – на этот раз юноша вежливо обратился к Виктору.

– В двести первом.

На минуту повисло молчание.

– Вы вместе живете? – осторожно спросил Александр.

– Спорный вопрос. Вместе живём мы только в командировке, – хмыкнул Николаев и махнул рукой в сторону сотрудницы, – просто Юлия Сергеевна очень требовательный автор.

– Требовательный автор? – растерянно повторил парень, явно ничего не понимая.

– Да. И вдобавок, боится спать одна.

Симонова молча слушала, ожидая от оператора очередную шутку, словно говорили не про неё.

– Саня, знаешь анекдот про командировочных? – Виктор повернулся к Бубнову и, не дождавшись ответа, продолжил, изображая капризную дамочку. – Ой, подруга, я первую ночь в командировке никак не могла уснуть в своём номере. Пьяный коллега ломился в дверь и орал. «И чем дело закончилось?» – спрашивает та. «К утру я всё-таки открыла дверь и выпустила его».

Громче всех смеялся водитель.

– Надо жене вечером рассказать, – произнес он, – она у меня юмор любит!

Как только въехали в город, Александр, с видом знатока, начал рассказывать про местные достопримечательности. Остановившись на набережной, компания вышла из автомобиля. Виктор поставил камеру на штатив и начал снимать, а Юля слушала юношу.

– Перед вами пешеходный мост через реку Урал. Он является своеобразным символом нашего города и делит его на две части: слева – Европа, а справа – Азия. С азиатской стороны моста расположена Зауральная роща, а с европейской – набережная Оренбурга.

– Очень интересно, – проговорила журналистка и стала записывать информацию в блокнот.

– Юленька, давай сделаем стендап на этом месте, – предложил Николаев и стал доставать из кофра микрофон.

Потом осмотрели несколько храмов и архитектурных памятников и отправились в историко-краеведческий музей.

– История нашего города неразрывно связана с именем великого Пушкина, – продолжал Бубнов, – ведь Александр Сергеевич очень много путешествовал. В сентябре тысяча восемьсот тридцать третьего года он отправился в дальнюю дорогу – на Урал. Поездка вдохновила поэта на создание двух замечательных произведений: «История Пугачева» и «Капитанская дочка».

– Симонова, ты знаешь, кто такой Пугачев? – похлопывая по камере, вальяжно спросил Виктор.

– Отец Аллы Борисовны? – сострила Юля.

– С вами весело, – улыбнулся Саня и деликатно поинтересовался, – мне дальше рассказывать?

– Прости, друг, я тебя перебил, – Николаев шутиливо сложил ладони у подбородка, словно буддийский монах.

– Так вот, – Саня опять стал серьезным, – Пушкин изучил сотни печатных и рукописных источников, мало кому известных документов. Александр Сергеевич прочёл всё, что было напечатано о Пугачёве в России и Европе. Вникая в реальные факты событий, он решил побывать в местах, где бушевала «пугачёвщина». Отправляясь в Оренбургский край, поэт хотел ознакомиться с населением той области, где началось и разгорелось восстание, увидеть еще живых стариков-свидетелей, услышать подлинный голос народа, узнать его отношение к восстанию и к его вождю, – продолжал он излагать заученные фразы, как из конспекта.

У памятника Пушкина журналистка заняла одухотворенную позу и попросила оператора сделать снимок на память. Но Виктор передал фотоаппарат их гиду со словами:

– Саня, запечатли нас вместе!

Пообедав в очень приличном ресторане, куда пригласил гостей фестиваля Бубнов, съемочная группа вернулась на базу отдыха. От большого объема информации Юля утомилась и плюхнулась сразу на постель. Виктор немного покрутился в коридоре, укладывая аппаратуру, и потом тоже улегся на свою кровать рядом.

– А я был уверен, что прошлой осенью ты выйдешь замуж за Осипова, – негромко проговорил он, уставившись в потолок.

– Что-что? – журналистка лениво поднялась на локтях и удивленно посмотрела на мужчину.

– Что слышала, – обиженно отозвался он, словно женщина и впрямь вышла замуж.

– Хочешь выяснять отношения? – Симонова была серьезна, как никогда.

– Нет. Прости, просто вспомнил, – Виктор тяжело вздохнул и добавил, – я этого больше всего боялся.

Юля могла бы многое припомнить и высказать ему свои претензии и обиды, но ей совсем не хотелось портить настроение. Она закрыла глаза и отвернулась к стенке. Удивительно, но Николаев тоже замолчал.

После ужина в местной столовой Ираида Федоровна собрала весь коллектив в просторном вестибюле и познакомила с планом на следующий день, постоянно заглядывая в напечатанные листы.

– После генеральной репетиции – обед, а в шестнадцать часов – торжественное открытие фестиваля. Будет солидная публика, так что мы не должны ударить в грязь лицом! Мы представляем здесь наш город, помните об этом! – важно закончила она.

Самодельные артисты начали задавать вопросы на волнующие темы: куда сложить костюмы, где делать грим, брать ли с собой в клуб утюг и фен. Виктор посмотрел на Юлю,

показывая жестом: «Уходим отсюда!» Юля кивнула и собралась незаметно покинуть собрание, но Линькова громко сказала:

– Давайте договоримся пока мы в полном составе, во сколько отсюда выезжаем на репетицию?

– Часов в девять надо, не позже, – предложила Ульяна Леонидовна, – чтобы занять раздевалки.

– Согласна, – начальственно одобрила «генеральша», – тогда встаем в семь, а в восемь – завтрак.

– Так рано, – недовольно хмыкнула молоденькая смуглая девушка из танцевального ансамбля.

– Что? – в упор посмотрела на неё Ираида.

– Девчонки, я вас разбужу, – вступилась за своих подопечных Эля Ермоленко, – а то вдруг будильник не сработает, и вы проспите!

– Элина Владимировна, тогда проконтролируйте и мальчиков, – снисходительно улыбнулась Жулина.

– А вы, Ульяна Леонидовна, разбудите ансамбль «Рапсодия» и квартет «Волжане». Головой отвечаете за них, – строго сказала Линькова и, вальяжно откинувшись в кресле, спросила, – а кто будит меня?

Из-за двусмысленной фразы на какое-то мгновение в вестибюле повисло напряженное молчание. Неожиданно раздался из угла бойкий голос звукорежиссера Копейкина:

– Я буду.

Несколько минут смеялись все. Ираида, помахивая ладонями перед лицом, чтобы от слёз не потекла тушь, проговорила:

– Ну, спасибо, Паша!

Уставшие артисты быстро уgomонились, коридоры гостиницы опустели, и всё замерло после суетного дня. Одинокий фонарь у входа слабо освещал лестницу и женскую фигуру, осторожно спускающуюся по деревянным ступенькам со второго этажа. Рука нащупала пистолет в кармане фланелевой пижамы. Пальцы нервно задрожали от прикосновения к холодному металлу. Осталось сделать несколько шагов, и она будет у цели. Неожиданно чей-то шепот нарушил ночную тишину. В сумраке вестибюля едва просматривались два силуэта на диване. Большая раскидистая пальма скрывала парочку. Незнакомка вздрогнула и бесшумно попятилась назад.

Утро восьмого марта началось для коллектива художественной самодеятельности совсем не так, как планировала Линькова. Юля проснулась не от сигнала будильника, а от стука в дверь.

– Блин, кого принесло? – сонно спросила она и посмотрела на экран телефона. – Договорились же будить всех в семь, а еще без десяти!

Она прошлепала босыми ногами к двери, накинув по пути махровый халат.

– С международным Женским Днём! – на пороге стояли все мужчины из квартета «Волжане» при полном параде: в костюмах и галстуках. В руках Руслана Карсанова была гитара, и он провел пальцами по струнам:

– Единственная моя

С ветром обручѐнная, – запел он известную песню Олега Газманова.

Его спутники тут же подхватили, разложив на несколько голосов:

– Светом озарѐнная,

Светлая моя.

– Виктор, подпевай! – в паузе предложил Марк Пшеничный стоящему за Юлей оператору.

– Зачем мне теперь заря,

Звёзды падают в моря
И, срывая якоря,
Прочь летит душа моя.

Журналистка захлопала в ладоши, сия от такого приятного и неожиданного сюрприза, а Василий Драпак подал ей поднос, на котором находился праздничный натюрморт: миниатюрная чашечка с ароматным кофе, большая шоколадка и алая роза.

– Женщины мечтают о кофе в постель, вот мы и решили всем нашим дамам сделать приятное в этот день, – пояснил Марк.

Симонова поцеловала всех гостей в щечку, и они отправились в следующий номер.

Во время завтрака Ульяна Леонидовна подошла к столику и сообщила, поглядывая то на Юлю, то на Виктора:

– Мне позвонили, что сегодня машина за вами не придет, так что поедете в город с нами на автобусе.

– А что случилось? – вежливо спросила журналистка.

– Много гостей приехало на фестиваль, не хватает транспорта, – пояснила та и направилась к выходу.

По пути в клуб участницы самодеятельности делились впечатлениями об утреннем сюрпризе.

– Какие у нас мужчины, а? Как креативно подошли к поздравлениям! – Ираида Федорвна подмигнула сидящим за ней коллегам.

– И время выбрали правильно, – подхватила Жулина.

– Вечером уж точно будет не до праздника, – согласилась Лена Веселова, – вернемся после концерта, как выжатые лимоны.

– Как бы на банкете не уснуть, – засмеялась Арсенова, – помните, кажется, в Ижевске на таком же фестивале наш звукорежиссер отключился? Вокруг музыка, танцы, а он за столом уснул, как младенец в люльке!

Все засмеялись.

– Не смущайте нашего Пашу! – шутливо погрозила пальцем «генеральша».

– А песню сегодня утром «Волжане» спели мою любимую, – отозвалась со своего места Зарема.

– И мою! – кто-то крикнул с последних рядов.

Ближе к полуночи, после праздничного банкета творческий десант художественной самодеятельности возвращался в гостиницу. По дороге обсуждали выступление ансамбля «Рапсодия», который представлял на торжественном открытии фестиваля родной город.

– Девчата наши были самые красивые, – горделиво проговорил Паша Копейкин, имея в виду женскую фольклорную группу.

– И голосистые, – смеясь, добавил Леша Городулин.

– А с нашей Ираиды Федоровны все мужчины глаз не отводили, – подобострастно произнесла Жулина, – особенно, когда она спустилась со сцены в зал и пошла, приплясывая, между столиков.

– Да я смотрю, народ заскучал, – довольная угодливой речью подчиненной, сказала Линькова, – вот и решила поднять настроение!

– И вам это удалось, – продолжала льстить Ульяна.

Автобус остановился у самого входа в гостиницу. Элина Ермоленко, кутаясь в воротник норкового полушубка, приподнялась со своего места и произнесла не совсем трезвым голосом:

– Ребята-танцоры! Не забываем костюмы!

Лена Веселова первая прыгнула со ступенек автобуса и, поскользнувшись, растянулась на скользкой дорожке. Городулин подбежал к ней и стал поднимать, но та дурачилась, болтая в воздухе ногами и руками. Алексей подхватил девушку под мышки и тут же свалился рядом.

– Эй, народ, поднимайтесь, а то еще простынете! Горло берегите! – крикнула Ольга Арсенова и пошла в гостиницу.

– Лена, вам помочь? – Юля остановилась рядом с лежащей парой солистов фольклорного ансамбля.

– Мы сами, – махнула Веселова рукой и стала смешно подниматься, опираясь на Городулина.

– Леха, нам нельзя болеть, – проговорила она и нелепо захихикала.

– Почему? – мужчина встал на четвереньки и вытянул губы для поцелуя.

– «Генеральша» не разрешает, – пьяным голосом ответила коллега и громко икнула.

– Это вы про меня? – Ираида Федоровна грозно стояла у входа, наблюдая за выпившими сотрудниками. Она тоже была «под шафе», но держалась вполне достойно.

– О, куда от тебя не спрятаться, – усмехнулся Городулин и зло добавил, – «Салтычиха» ты наша!

– Мы с тобой, голубок, завтра поговорим, – грозно пообещала Линькова и направилась внутрь отеля.

Журналистка медленно поднималась на второй этаж, слегка пошатываясь. Нет, она не была пьяной. За весь вечер Юля сделала пару глотков шампанского, но от усталости у нее подкашивались ноги. Столько интервью с известными артистами – гостями фестиваля, с руководителями подразделений «Нефтегазмета» из разных городов, участниками художественной самодеятельности и просто зрителями она не делала никогда. Юля уже миновала последнюю ступеньку, когда услышала голос руководителя делегации с первого этажа.

– Симонова, а у меня интервью не взяла.

– Ираида Федоровна, – корреспондентка резко повернулась к женщине, – мы с вами побеседуем на заключительном вечере конкурса. Вы подведете итоги всем выступлениям и...

– Ладно, – небрежно перебила та и по-барски махнула рукой, – иди уже. До заключительного вечера ещё дожить надо.

Она по-хозяйски оперлась на худосочную Ульяну Жулину и стала ей жаловаться на свой коллектив.

– Да куда ты денешься? – зло буркнула Юля, понимая, что «генеральша» её уже не услышит.

Симонова двинулась по коридору, с неприязнью подумав о Линьковой. «Удивительная способность у этой бабы уметь командовать всеми и вся, – рассуждала она по дороге, – мне она не командир и не начальник, а я всякий раз оправдываюсь перед ней, словно провинившаяся школьница! У кого надо, у того и беру интервью, она что ли будет делать за меня передачу?»

– Пусть прессует свою «Рапсодию», – сказала громко журналистка, закрыв за собой дверь номера.

Через несколько минут в комнату ввалился Виктор. Он, как обычно, бросил аппаратуру в коридоре и, кинув куртку на стул, недовольно проговорил:

– Все бухают, пляшут и веселятся, а я, как проклятый, ношусь с камерой! Я, между прочим, тоже человек, а не машина!

– Ты сам выбрал себе эту профессию, – устало ответила Юля.

– Я мечтал снимать кино, а не на телеке бегать с камерой, как клоун!

– Я под душ и спать, – женщина направилась в ванную комнату, – а ты можешь продолжать монолог о своих мечтах и реалиях.

3 глава

Юля проснулась, сосредоточенно вглядываясь в сумрак ночи. Она пыталась понять, где находится. В комнате было темно и тихо, а на душе – беспокойно. Она вспомнила, что вечером не позвонила домой. Как там Марта? Женщина бесшумно поднялась с кровати и прошептала:

– Спишь?

Ей никто не ответил. Юля пошарила ладонями по прикроватной тумбочке и, нащупав клавишу настольной лампы, включила свет. Постель Виктора была не тронута. Она натянула джинсы и свитер.

– Сколько времени?

Глянув на часы, она покачала головой. Было начало четвертого ночи. Куда же девался Николаев? Юля вышла в коридор и пошла, прислушиваясь к звукам. Жильцы второго этажа мирно спали, судя по небывалой тишине. Журналистка спустилась на первый и двинулась к номеру, где жили ребята из ансамбля «Волжане». Она сразу почувствовала запах табачного дыма и приглушенные голоса.

– Привет, – растерянно произнесла она, приоткрыв дверь.

– А вот и наш счастливый автор, – Виктор даже приподнялся со стула, увидев свою напарницу.

В помещении было накурено. В центре стоял стол, за которым сидели почти все певцы квартета и Олег Задерей из «Рапсодии».

– Выпьешь с нами? – спросил Николаев.

– Нет, – категорично ответила журналистка и вздохнула, раздумывая над тем, какой найти повод, чтобы удалиться восвояси. Она сурово сдвинула брови. И зачем она только сюда пришла? Чтобы убедиться, что её бывший любовник не ухаживает за какой-нибудь самодеятельной артисточкой из «Нефтегазмета»? Да ей дело нет до этого типа!

– Юля, в самом деле, проходи! – улыбочивый Василий Драпак затушил сигарету в стеклянной пепельнице. – На нашей поляне есть все!

– Пиво, вино, водка, шампанское? – между тем, продолжал предлагать хлебосольный Виктор.

– Неужели вам не хватило выпивки на банкете? – снисходительно проговорила гостя, рассматривая «поляну».

Натюрморт был более чем живописный. Рядом с селедкой, украшенной кольцами красного лука и веточками петрушки, соседствовали апельсины и груши. Тут же лежала на тарелке мясная нарезка, на которую завалилась метелка из листьев ананаса.

– Симонова, не выкобенивайся, – захмелевший Виктор протянул ей чистый стакан, – раз зашла на огонек, садись и угощайся!

– Конечно, – Дамир Исмагилов подставил для корреспондентки стул, – присоединяйтесь! У нас вон сколько закуски!

– Да у вас тут сплошные деликатесы, – буркнула журналистка и покорно опустилась на предложенный стул, – и все, чувствую, с праздничного банкета. Наворовали, да?

– Ну почему «наворовали»? – усмехнулся Василий. – Мы – законопослушные граждане! Просто взяли остатки со своих столов!

– А кто тебя разбудил? – спросил оператор женщину, наливая ей белое вино.

– Никто, – пожала плечами Юлия, – проснулась и почувствовала какую-то тревогу. Смотрю, тебя нет.

– Ага, испугалась, – лукаво подмигнул мужчина.

– Да не в этом дело, – она сделала глоток из стакана и потянулась за конфетой.

– Тук-тук, – в двери появилась голова Алексея Городулина.

– У нас, похоже, никто сегодня ночью не спит, – засмеялся Марк, приглашая его зайти.
– Да я не один, – подмигнул Леша, пропуская вперед Лену Веселову.
– Привет всем, – молодая женщина сложила ладони пальцами вверх так, что их кончики поднялись до уровня бровей.

– Ребята, какие вы молодцы! – Василий Драпак встал со своего места, уступая его гостю.
Опять началась суета с угощением вновь пришедших. Чтобы не толпиться, Виктор и Олег Задерей отправились курить на балкон.

– Как вы завтра будете выступать, – покачала головой журналистка и участливо добавила, – не выспавшиеся.

– А мы завтра отдыхаем, – Веселова озорно подмигнула и, соединив свои ладони подставила их под головой, – завтра конкурс среди танцоров.

– У Лены так сильно развита жестикуляция, – шепнула Юля сидящему рядом Марку Пшеничному, – она все слова сопровождает движением рук.

– Так она на этом помешена, – хмыкнул мужчина, – изучает жесты разных стран и народов! Наверное, уже могла бы докторскую диссертацию на эту тему защитить.

В дверь номера кто-то требовательно стучал. Симонова открыла глаза и сразу почувствовала головную боль и сухость во рту.

– Да что же это такое? – возмущенно прошептала она, не двигаясь с места.

На соседней кровати крепко спал Виктор, натянув казенное одеяло до самого носа. За окном было уже светло. Сосновая ветка монотонно барабанила по стеклу с морозным узором. Юля решила не вставать и повернулась на другой бок. Однако, кто-то продолжал настойчиво колотить, а потом раздался жалобный голос:

– Пожалуйста, откройте!

Журналистка нехотя откинула одеяло, потом обреченно опустила ноги на прикроватный коврик и поежилась. В комнате было прохладно. Она подняла взгляд на окно и увидела форточку, открытую настежь.

– Понятно, – вздохнула она и отправилась открывать дверь, – кому-то после ночной гулянки было жарко.

На пороге стояла Ульяна с гримасой страдания на лице.

– У нас беда, – всхлипнула она, театрально прижав ладони к щекам.

– Что случилось? – сдерживая праведный гнев, что её разбудили так рано, спросила Юля.

– Наша Ираида Федоровна, – Жулина горестно покачала головой, а потом схватила журналистку за плечи, – я до сих пор не могу поверить...

Юля стояла и думала об одном: скорее бы закончилось это представление, и она вернулась в теплую постель.

– Я очень хочу спать, – коротко сказала она, отодвигаясь от гостыи, – говорите толком, что случилось и при чём здесь я?

– Её застрелили, – «Жулька» обиженно поджала губы, по-видимому, разочарованная холодным приемом.

– Кого? – переспросила Юля.

– Директора Линькову. Уже приехали из местной милиции, – она повернулась в пол оборота и сказала, не глядя на собеседницу, – через полчаса все должны быть в холле.

Жулина пошла по коридору в сторону лестницы, а Юля смотрела ей вслед.

Это не было похоже на розыгрыш.

– Витя, просыпайся, – журналистка легонько похлопала мужчину по плечу, – надо одеваться. Всех собирают в вестибюле.

– Неее, – промычал он в ответ, – я никуда не пойду. Скажи, что я умер.

– Умер не ты, а Линькова.

– Что? – мужчина удивленно заморгал глазами, с трудом прогоняя сон. – Я не понял.

– Жулька приходила, сказала, что Ираиду убили, – Юля натянула на себя халат и направилась в ванную.

– Да ты что? – услышала она из комнаты, закрывая за собой дверь.

Когда она вышла из санузла, то с удивлением обнаружила Виктора у входа. Он стоял в свитере и джинсах.

– Подожди меня. Я быстро умоюсь, – попросил он.

Народ уныло собирался в вестибюле. Все были заспанные и недовольные. Юля увидела руководителя танцевального ансамбля Элину Ермоленко, которая помахала ей рукой и показала на место рядом с собой и Заремой.

– Неужели её правда убили? – проговорила шепотом Хубиева, когда журналистка села на край дивана, и покачала головой. – Какой ужас.

– Что теперь будет? – вздохнула Эля.

Симонова сама могла бы озвучить эти вопросы, слишком неожиданно было известие об убийстве Ираиды Фёдоровны. Она недоуменно пожала плечами и стала осматриваться, мысленно радуясь, что ей досталось такое удачное место. Большая керамическая кадучка с декоративной пальмой стояла слева, и раскидистые ветви дерева прикрывали Юлю. Она была, словно в наблюдательном пункте, специально приготовленном для неё. Все певцы расселись по диванам и креслам, а юные танцоры столпились у окна. Они поглядывали на взрослую публику и перешептывались. Наконец, появился плотный мужичок невысокого роста в форме майора милиции. Его сопровождала Ульяна Леонидовна. Это была уже не угодливая худосочная дамочка по кличке «Жулька», а уверенно шагающая заместитель руководителя делегации художественной самодеятельности «Нефтегазмета» в строгом деловом костюме и выражением значимости на лице.

– Господа, сегодня ночью произошло ужасное преступление, в результате которого не стало уважаемого человека, талантливого руководителя и нашего друга – Линьковой Ираиды Фёдоровны. Давайте почтим ее память минутой молчания! – Ульяна произнесла эту пафосную речь на одном дыхании, как будто она не в отеле дома отдыха «Лесные жители», а, как минимум, на политическом митинге.

Никто не шелохнулся.

– Вставайте! – она вытянула вперед руки, давая понять жестом, что надо подняться с мест.

Члены художественной самодеятельности безмолвно встали. Юля, прикрытая листьями пальмы, медленно переводила взгляд с одного на другого, пытаясь понять настроение людей. Но все были одинаково угрюмы и только. Когда артисты вернулись на свои места, Лена Веселова спросила:

– Ульяна Леонидовна, что теперь будет с нами? Мы вернемся домой или останемся на фестивале?

– Несмотря на невосполнимую утрату, – Жулька выдавила из себя тяжелый вздох, – мы продолжим участие в конкурсе.

– А вы, по-видимому, будете сопровождать тело домой? – раздался голос Городулина.

– Я, к сожалению, должна остаться здесь и взять руководство на себя, – слово «руководство» Ульяна произнесла слишком радостно, – за покойной приедет муж. Я уже его вызвала.

С выражением скорби она посмотрела на офицера и проговорила:

– Прошу, – уступая место оратора.

– Меня зовут Иван Валентинович Леденец, и я буду вести расследование убийства вашей сотрудницы.

При других обстоятельствах шутники из художественной самодеятельности обязательно поупражнялись в остроумии, услышав эту фамилию. Была в ней какая-то детскость, и она совсем не подходила мужчине такой серьезной профессии. Лишь один подросток из танцевального ансамбля хмыкнул, моментально прикрыв рот ладошкой. Леденец сделал паузу, строго посмотрев на собравшихся. По-видимому, он уже привык к насмешкам по поводу своей фамилии и ожидал каких-то комментариев. В полной тишине он продолжил:

– Убийство произошло в этой гостинице, поэтому мне необходимо поговорить с каждым из вас, – он пристально смотрел на женщин из ансамбля «Рапсодия», сидящих на диване прямо напротив него.

Юля почему-то вспомнила, как три года назад она пришла работать на «Телеком», а на следующий день убили главного режиссера студии – Артура Гордина. И точно так же оперативник Андрей Осипов приглашал всех по очереди для беседы. Она тогда и предположить не могла, что сама раскроет это преступление.

– Допрос будет проходить в комнате номер двести четыре, – важно уточнила Жулина, показывая свою осведомленность о ходе следствия.

– Это не допрос, – вежливо поправил майор Ульянов, – а беседа. Но у меня к вам большая просьба отнестись к ней со всей серьезностью. Надеюсь, все понимают, что надо найти убийцу, поэтому ваши сведения очень важны для следствия.

– Скажите, Иван ээ, – Руслан сделал паузу, вспоминая отчество майора.

– Валентинович, – подсказала Жулька.

– Да, – кивнул ей Карсанов и вновь обратился к офицеру, – что вам уже известно? Нам бы тоже хотелось знать, так сказать, подробности убийства. Всё-таки, мы один коллектив.

– Смотря какие подробности, – хмыкнув Леденец.

– Хотя бы в общих чертах: где, когда, чем?

– Убийство произошло этой ночью в комнате, где проживала ваша директор. Это пока все, что я могу вам сказать.

– Не густо, – хмыкнул Карсанов.

– А как же к ней в номер проник убийца? Гостиница-то на ночь закрывается, – пожала плечами Зарема.

– Вы считаете, что это сделал кто-то чужой? – майор с интересом посмотрел на девушку.

– Мы все так считаем, – твердо ответил за Хубиеву Паша Копейкин, – и проверить это несложно.

– Так-так, – оперативник почесал затылок, – и как же?

– Возьмите наши отпечатки и сверьте с отпечатками преступника, – для готовности помочь следствию Паша вытянул вперед свои ладони.

– Ну спасибо за совет, я так и сделаю, – с иронией хмыкнул Леденец.

– А что? Копейкин прав, мы готовы, – Олег Задерей оглядел всю делегацию, – мы – творческая интеллигенция, а не бандиты!

– Вот именно, – Ульяна Леонидовна кивнула Олегу, – не смотря ни на что, коллектив у нас дружный. А мелкие неурядицы бывают в каждом...

– Я предлагаю, – перебил заступническую речь Жулиной майор, – не тратить время на разговоры. Жду вас в двести четвертом.

Он пошел по лестнице наверх, а артисты замерли на месте от только что услышанной информации. Потом все разом заговорили, обсуждая убийство Ираиды.

Юля слушала и думала, что никто из них даже не сделал вид, что омрачен смертью начальницы.

– Ребята, давайте мои танцоры пойдут на допрос первыми, а то нам скоро выезжать в клуб на репетицию, – попросила Элина, поднимаясь с дивана.

– Пусть идут, – ответил Руслан и подошел к артисткам «Рапсодии», – Лена, Оля, надо кое-что обсудить.

Журналистка молча проследила взглядом, куда направились коллеги Линьковой. Как бы ей хотелось послушать, о чём они будут разговаривать.

– Виктор, – она поманила ладонью оператора.

– Опять? – усмехнулся тот, пристально глядя на Юлю.

– Что «опять»?

– Появился знакомый блеск в глазах. Твоя тяга к расследованиям неистребима!

– Да ну тебя, – журналистка обиженно надула губы, осознавая, что мужчина прав.

Николаев наклонился к её уху:

– Какие будут указания, шеф?

– Надо узнать, о чём они говорят, – сразу оживилась Юля и кивнула в сторону уходящих артистов.

– Понял, – оператор заговорщицки подмигнул, – ну, я пошёл.

– Погоди, – она жалобно посмотрела на Виктора, – и хорошо бы осмотреть номер Линьковой.

– Думаешь, господа криминалисты были не внимательны и оставили тебе парочку улик?

Симонова не ответила, а только растерянно пожала плечами.

После завтрака около соседнего номера выстроилась очередь из танцоров. Они перешептывались между собой обрывочными фразами, создавая в коридоре звуковой фон, напоминающий щебетанье стаи воробушков. Юля оглядела собравшихся подростков и вставила ключ в свою дверь. Повернувшись спиной к артистам, она вдруг сообразила, что ребят только пять. Стоп! Где еще одна девочка? Журналистка обернулась и, обращаясь к высокому юноше в свитере с норвежским узором, спросила:

– А где ваш руководитель?

– Элина Владимировна у себя в комнате, – ответил вежливо тот.

– Она за таблеткой для Сашки пошла, – уточнила девочка с модной мелированной челкой.

– А что с ним? Заболел?

Ребята захихикали.

– Саша Устинова – не мальчик, – пояснила всё та же юная танцовщица и добавила с нескрываемой иронией, – говорит, что голова у неё болит.

– А ты, по-видимому, сомневаешься в этом? – как можно доброжелательнее спросила Юля.

– Да нет, – девчонка опустила голову и нарисовала вытянутым носочком ноги полукруг на пыльном паркете, – просто мы приехали сюда выступать, а не шляться по ночам неизвестно с кем.

– Валя! – соседка с тугой кукулькой на затылке осуждающе посмотрела на подругу и будто невзначай толкнула её локтем.

– Что Валя? – дерзко ответила та. – Вечно ты, Наташка, за неё заступаешься!

– И где же эта Саша? – решив сгладить словесную перепалку, проговорила журналистка и медленно обвела взглядом группу.

– У следователя, – кивнул паренек со смешно торчащими ушами на дверь с номером двести четыре.

Юле стало интересно посмотреть на эту Сашу, которая «шляется по ночам». Тем более, когда этой ночью совершено убийство. Она улыбнулась и нарочито весело сказала, обращаясь сразу ко всем:

– Мы сегодня будем снимать ваше выступление. Кстати, потом возьму у вас интервью. Подумайте заранее над тем, что вы скажете.

– А какой будет вопрос? – вежливо спросила Наташа.

– Ну, например, как вы оцениваете свое выступление? Или, что вам понравилось на этом фестивале?

– Вы у всех будете брать интервью или выборочно? – поинтересовалась бойкая Валентина.

Корреспондентка собралась ответить, но в этот момент распахнулась соседняя дверь и на пороге появилась стройная девушка. У неё была оливковая кожа и большие темно-карие глаза. Волнистые смоляные волосы непослушно спадали прядями на плечи. Она была красива необычайной восточной красотой. Казалось, если прикрепить алую розу в волосы девушки, то от настоящей испанки её не отличишь. Юля сразу про себя отметила покрасневшие веки артистки. Плакала? Неужели из-за смерти директора клуба?

– Сашенька, – Элина Владимировна быстрым шагом приближалась к своим подопечным, – выпей, моя дорогая!

Ребята расступились, освобождая дорогу для руководителя. Ермоленко протянула стакан и таблетку в раскрытой ладони и посмотрела на журналистку.

– Заболела моя солистка, – пояснила она.

– А температура есть? – сочувственно спросила Юля.

– Нет, – ответила тихо девушка, после того как запила таблетку водой, – температуры у меня, кажется, нет.

Она приложила для убедительности руку ко лбу и пожала плечами.

– Ребята, через два часа выезжаем в клуб, – напомнила Элина, – вы постарайтесь побыстрее освободиться!

– Следующий, – раздался из-за двери голос майора, и ушастый паренек, театрально махнув всем на прощанье рукой, направился к оперативнику во временный кабинет.

4 глава

Щеточка пластично взлетела вверх от века и, описав полукруг, вернулась в исходное положение. Юля сосредоточенно смотрела в зеркало на свои ресницы. От туши, с золотой розочкой, изображенной на изящной губе, они приобрели черный цвет и удлинились. Довольная результатом, она достала из косметички контурный карандаш и привычным движением подвела его кончик к верхней губе, когда услышала звук своего мобильного. Журналистка увидела незнакомый номер на экране и приложила телефон к уху.

– Слушаю, – проговорила она, придерживая плечом аппарат и пытаясь продолжить свой макияж.

– Вас беспокоит Александр Бубнов, – раздался знакомый голос, – Юлия Сергеевна, может быть, за вами приехать пораньше в связи с последними трагическими событиями.

– С какими событиями? – заинтересованно переспросила Симонова.

– Убийством.

– Саша, а ты откуда знаешь про убийство?

– По радио сейчас передали, – растерянно ответил пресс-секретарь после короткой паузы.

– Как оперативно у вас работают мои коллеги, – усмехнулась она, – но наш график из-за этого не меняется.

– Так, значит, я приеду к двум часам, как договорились?

– Да, – коротко ответила Юля и, нажав клавишу «Отбой», оглянулась на звук открывшейся двери.

В проеме стоял Виктор и улыбался.

– Намечаются первые подозреваемые, – проговорил он и стал расстегивать куртку.

Журналистка кивнула и смелым движением провела нежно-розовой помадой по губам. Она прищурилась и подозрительно осмотрела своё лицо, словно не доверяла зеркалу.

– Красота – это страшная сила, – засмеялся Николаев, оглянувшись на женщину. Она игриво смерила его взглядом и, сложив косметику в миниатюрную сумочку, убрала её в тумбочку. Юля ждала интересные сведения, но не собиралась задавать мужчине наводящие вопросы. Раздевшись, он уселся рядом.

– Я так понимаю, что в ночь убийства никто в отеле не спал, – Виктор задумчиво посмотрел на журналистку, – за редким исключением.

– Мы ушли от «Волжан» в пятом часу утра, и все было тихо.

– У тебя есть блокнот и ручка?

– Естественно, – усмехнулась Симонова и потянулась к своей сумке, – ты забыл, кем я работаю?

– Это как раз не всегда естественно, – с иронией проговорил он, – ваша пишущая братия вечно забывает своё орудие труда. Сколько раз наблюдал картину, как на совещании или пресс-конференции какая-нибудь корреспонденточка шепчет: «Ой, я забыла ручку». Другое дело, мы. Ты когда-нибудь видела оператора, который приехал на съемку без камеры?

– Брюжишь, как старик, – Юля демонстративно раскрыла перед ним свой еженедельник.

Николаев взял ручку и уверенным движением провел две параллельные линии на чистом листе.

– Будем чертить схему нашей гостиницы. Вот смотри, – он стал вырисовывать небольшие квадратики вдоль полос, – на первом этаже слева от входа четыре номера. Здесь живут девчонки из «Рапсодии», все «Волжане» и Городулин с Тельновым. В каждой комнате разместились по два человека. А справа – холл и два номера. В люксе – Ираида, а в соседнем от неё – Паша Копейкин и Олег Задерей. Так?

– Так, – кивнула Юля.

– На втором этаже слева – мы, Ульяна Жулина, два водителя и кабинет администратора гостиницы. Справа – две комнаты с танцорами, Элина Ермоленко с Заремой Хубиевой и еще одна свободная.

– Ты на месте преступления был? – прервала его журналистка.

– Не мчись впереди паровоза, номер Ираиды уже опечатан, – строго сказал Виктор и положил ручку на блокнот, – лучше скажи, кому легче всего пробраться незамеченным к нашей «генеральше»?

– Всем. А если ты намекаешь, что проще тем, кто разместился на первом этаже, то я не согласна, – категорично ответила она и махнула рукой, – долго спуститься со второго что ли?

– Велика вероятность встретить кого-нибудь по пути.

– Ну и что? Прошлой ночью все болтались по отелю, – Юля вздохнула, – сам сказал, что практически никто не спал!

– Это правда. А почему ты не спрашиваешь, о чем говорил Руслан с Леной и Ольгой?

– Думаю, сам расскажешь, – она пожала плечами.

– Если ты помнишь, Карсанов по образованию юрист, – Николаев задумчиво посмотрел на коллегу, – уверен, что он хочет оградить от подозрений девчонок из «Рапсодии». Он им посоветовал говорить майору, что всю ночь они спали у себя в комнате.

– Я так и предполагала, – кивнула журналистка, – что Руслан хочет обеспечить алиби тем, кого могут заподозрить первыми.

– А почему именно их?

– Потому что очевидно, что Линькову застрелил кто-то из нашей делегации.

– Застрелил? – удивленно переспросил Виктор. – А ты откуда знаешь?

– Жулька проболталась, – махнула рукой Юля.

– Значит, она была в номере своей начальницы?

– Кто-то же обнаружил труп и вызвал милицию. Скорее всего, это была Ульяна.

– И зачем это она в такую рань сунула свой нос к Ираиде? – усмехнулся собеседник.

– Это мы выясним, а пока вернемся к нашим баранам. И так, в гостинице нас двадцать четыре человека, – Юля под схемой отеля написала цифру «24», – конечно, преступником может быть любой, однако следователь первым делом обратит внимание на тех, у кого может быть реальный мотив для убийства. Ну какой мотив у тебя или у меня – сотрудников телевидения? А у малолетних танцоров, которые приходят в клуб на занятия два или три раза в неделю и им дела нет до директора. Это касается и их руководителя. Элина Ермоленко возится со своими воспитанниками и уж точно не претендует на должность Ираиды, тем более, что у неё муж занимает высокий пост в областной администрации. Зарема Хубиева, как я слышала, бухгалтер на нефтезаводе. В свободное от работы время поёт в клубе. Знаю, что они не питали нежных чувств к погибшей, но из-за этого не убивают.

– Согласен, – задумчиво произнес Николаев, – по твоей версии под подозрение попадают все артисты «Рапсодии» и Ульяна. Правильно?

– Правильно. И еще Павел Копейкин.

Виктор сдвинул брови на переносице и пожал плечами. Юля наблюдала, как меняется выражение лица мужчины.

– Да, ладно, – засмеялся он, – только не Пашка! Да он единственный, кто к Ираиде хорошо относился!

– Уверен? – подозрительно спросила журналистка.

– Конечно. Ты его просто плохо знаешь. Это человек, беззаветно любящий музыку и свою работу, а по характеру – миротворец. А ещё, как бы это сказать, – Виктор задумался, подбирая слова, – таких в народе называют «лохами». Он не может никому отказать в помощи, а люди этим бессовестно пользуются.

– Следователь же этого не знает, а мы сейчас говорим, кто попадет в его поле зрения, – возразила журналистка.

– Ты думаешь, что «генеральшу» убили из-за должности?

– Нет, – Юлия махнула головой, – совсем не обязательно. Мотив может быть любой, даже самый неожиданный для следствия. Но у преступника и жертвы должны быть точки соприкосновения по каким-то вопросам. Правильно?

– Правильно.

– Помнишь, в прошлом году мы снимали передачу к юбилею «Рапсодии»? Все говорили красивые слова о творчестве и народной песне, о своем дружном коллективе, хвалили руководителя, но это было только на камеру. А потом, помнишь, как они высказывались об Ираиде? Вскользь, обрывочно, но ведь было понятно, что коллеги её не любят.

– Подчиненные редко любят начальников, – усмехнулся Николаев, – но ты права, ребята её терпеть не могут. И на то есть масса причин.

– Например?

– Когда образовалась фольклорная группа, лидером в ней была Лена Веселова. Кстати, именно она пригласила свою бывшую однокурсницу по музыкальному училищу – Иру Линькову в коллектив.

– Да ты что? – искренне удивилась Юлия. – А зачем? Вокальные данные у Ираиды самые слабые, и она совсем не вписывается в их ансамбль. Оля и Лена – такие стройные, голосистые девушки, а эта...

– Да, толстовата и хриповата!

– Точнее не скажешь, – хмыкнула собеседница.

– Я заметил, у тебя хорошие отношения с девочками из «Рапсодии». Вот и побеседуй с ними на эту тему невзначай, – предложил Виктор, – они тебе гораздо больше могут рассказать, чем я.

– Хорошая мысль, – согласилась женщина, – поговорю, с ними, когда вернемся со съемки. Николаев собирался ещё что-то сказать, но его прервал требовательный стук в дверь.

– Вас майор вызывает, – без предисловий сообщила Жулина, даже не посмотрев на телевизионщиков.

– Спасибо, – сухо ответила Симонова.

Кабинет администратора базы отдыха «Лесные жители» был скромным и даже каким-то необжитым. Никаких милых побрякушек и фотографий, цветочков в горшочках и драпированных штор с кистями. Просто стол, кожаное кресло, два стула и жалюзи на окне. По-видимому, хозяйка здесь появлялась редко. Когда Юлия вошла, Леденец стоял лицом к окну и прихлебывал что-то из большого бокала. На звук открывающейся двери он повернулся и молча кивнул женщине вместо приветствия. Гостья поздоровалась и скромно села на предложенный стул с высокой деревянной спинкой.

– Вы у нас кто? – спросил служитель закона и, с интересом посмотрев на молодую особу, занял своё место за столом.

– Симонова Юлия Сергеевна, – спокойно ответила журналистка.

Майор медленно провел указательным пальцем по списку сверху вниз и замер, остановив взгляд на напечатанной строчке с Юлиными данными.

– Ага, так вы – корреспондентка с телевидения?

– Совершенно верно, – кивнула она без лишних эмоций.

В её воображении офицер уголовного розыска должен быть подтянутым и симпатичным, с волевым лицом и пронизательным орлиным взором. Как Пал Палыч Знаменский из сериала «Следствие ведут знатоки», Николай Кондратьев из «Рожденной революцией» или Сергей Головкин из фильма «Инспектор уголовного розыска». На этих многосерийных кинокартинах выросло ни одно поколение советских людей, сформировав в своём сознании

мужественный образ следователя. И её друзья Андрей Осипов и Вениамин Колесников были реальным воплощением киношных героев. А этот пузатый дядька с редкими волосенками начинающего лысеть немолодого человека и усталым взглядом совсем не вызывал трепета и волнения перед началом «беседы», как он сам выразился утром. Ожидая банальных вопросов, журналистка сидела со скучающим видом, элегантно закинув ногу на ногу, и снисходительно наблюдала за оперативником. Тот уставился на список, словно забыл про гостью. После затянувшейся паузы майор, наконец, проговорил:

– Юлия Сергеевна, а почему вы не вышли замуж за Андрея Борисовича?

От удивления Юля почувствовала, что её челюсть медленно опускается вниз. Потом она, пытаясь ответить, открыла рот, но вместо членораздельной речи только выпустила струйку воздуха.

– Простите бога ради мою бестактность, но, – Леденец пожал плечами, – работа у нас такая.

– Вы знаете Андрея? – наконец произнесла Юля.

– Встречались, на курсах повышения квалификации сидели, можно сказать, за одной партой и жили в одном гостиничном номере.

– А про нас, – начала журналистка, но майор её остановил.

– Не волнуйтесь, – улыбнулся он, – ничего криминального Осипов про вас не говорил, – просто скучал и восхищался.

– Восхищался? – переспросила Юля.

– Да, – кивнул собеседник, – рассказывая про ваш невероятный талант в расследованиях, интуицию и чутье. Говорил, что далеко не у каждого сыщика со стажем такое бывает.

– И вы вот так, по описанию меня узнали? – с недоверием проговорила Симонова.

– Ну я же опытный оперативник. Сложил, как говорится два и два...

– Не верю, – угрюмо ответила журналистка.

– И правильно делаете, – засмеялся майор, – мне Андрей показывал ваши фотографии и говорил: «Красавица Юлия с телевидения «Нефтегазмет». Вот я вас и признал.

– И вы спросили сейчас меня про Осипова, чтобы расположить к беседе? – несмотря на лестный комплемент, обиженно спросила она.

– Видите ли, Юлия Сергеевна, у меня всего пять дней, чтобы раскрыть это убийство. Потом ваша делегация вернется к себе домой, и у меня не останется ни свидетелей, ни подозреваемых. А начальство мне намылит шею, если будет «висяк». Да и не люблю я нераскрытых преступлений, – он как-то виновато и вместе с тем беспомощно развел руки, – ходят убийцы по земле и портят жизнь хорошим людям. Это же несправедливо!

– Ну так бы и сказали прямо. Зачем приплетать личную жизнь? – возмутилась журналистка.

– Тхе, прямо, – передразнил её майор, – вошла в кабинет шикарная блондинка, глянула на меня сверху вниз так, что я даже растерялся. А фамилию услышал и вовсе в ступор впал: говорят, она ещё и сыщик от бога!

Гостья улыбнулась и махнула рукой, словно останавливая жестом поток комплементов.

– А я, может, хотел вас огорошить? – Леденец засмеялся. – Получилось у меня, скажите?

– Получилось, – Юля вдруг почувствовала необыкновенную симпатию к этому прямолинейному дядьке.

– Так что, поможете оренбургскому коллеге? – с надеждой спросил он.

– Конечно, – с готовностью ответила собеседница.

– Только сразу уговор: всё, что мы с вами обсуждаем – никому не говорим. Ни задушевной подруге, ни закадычному другу. Хорошо?

– Хорошо, – журналистка кивнула, – но у меня маленькое условие.

– Слушаю, – Иван Валентинович слегка напрягся.

– Вы тоже будете делиться со мной информацией, иначе одних моих наблюдений не достаточно, чтобы раскрыть преступление, тем более, что у нас с вами ограничено время.

– Согласен.

– Для начала мне надо осмотреть номер Линьковой.

– Он опечатан.

– Знаю.

Майор покачал головой:

– А вы что, не доверяете нашим специалистам? – он нехотя положил ключ на стол и шутливо погрозил пальцем. – Ну чтобы никто!

– Естественно! И ещё, – собеседница вздохнула, – я могу к вам обращаться, чтобы проверить какие-то факты?

– Безусловно, – он залез в карман и достал оттуда карточку со своими контактами, – звоните в любое время!

– Спасибо, – журналистка взяла визитку, – с вами, Иван Валентинович, приятно иметь дело.

– Взаимно.

Она протянула руку, а майор крепко пожал её ладонь.

Сразу после обеда приехал Саша Бубнов, и съемочная группа направилась к машине. Пока Виктор складывал камеру и штатив в багажник, Юля уселась на заднее сиденье и поскорее захлопнула дверь, чтобы морозный воздух не охладил салон. Она кинула взгляд на артистов из квартета, стоящих на ступеньках и что-то живо обсуждающих, потом на пресс-секретаря, который, задрав голову, смотрел на окна гостиницы.

– А конкурс вроде уже начался, – проговорил водитель, глядя на журналистку через зеркало заднего вида, – не опоздаем?

– Наши танцоры по жеребьевке выступают в самом конце. Это примерно через пару часов, – она махнула рукой и добавила с заметной иронией, – так что, успеем на этот праздник жизни.

Машину качнуло от того, как сильно Виктор хлопнул крышку багажника вниз.

– Да, кому-то праздник, а кому-то – горе, – глубокомысленно изрек мужчина, поворачивая ключ зажигания, – такая вот жизнь.

Дверцы автомобиля одновременно открылись, и ребята, ежась, поспешно заняли свои места в салоне.

– На календаре весна, а у вас тут колотун-бабай, – усмехнулся Николаев и прижался к Юле, – хоть бы кто-нибудь погрел!

– К нам весна придет через месяц, не раньше, – Александр обернулся с переднего сидения к гостям фестиваля, – что говорят про убийство?

– Да разное. А что тебя конкретно интересует? – ответил оператор вопросом на вопрос.

– Это не только меня, это всех интересует. У нас такого ещё никогда не было, чтобы убили руководителя делегации художественной самодеятельности. Как? Чем? Кого подозревают?

– Да мы и сами толком ничего не знаем, – лениво проговорил Виктор.

– Саня, а я слышала, что заместитель генерального директора нашего «Нефтегазмета» господин Мостовой раньше работал здесь, в Оренбурге, – вступила в беседу Симонова, – это правда?

– Да, он из наших краев, – согласился Бубнов и тут же обратился к водителю, – Анатолий Степанович, гололёд-то какой!

– Да, по такой дороге надо не на колесах, а на санках ездить! Я в таких случаях говорю словами из песни: «Крепче за баранку держись, шофёр!», – усмехнулся мужчина, – а то улетит железный конь в карьер вместе с седоками!

– Говорят, в Оренбурге у него осталась семья, – опять подала голос Юля.

– У кого? – спросил Саня слишком наигранно.

– У Мостового.

– Я на предприятии работаю недавно, – на этот раз Бубнов оглянулся на любопытную собеседницу, – личной жизнью начальников, да ещё и бывших не интересовался.

– Да про Мостового судачили все, – хмыкнул водитель.

– И что говорили? – не унималась журналистка.

– Ну что, – Анатолий Степанович только плечи приподнял, – жена тут, а он там себе любовницу завел.

– Странно, что Дмитрий Захарович Мостовой не присутствовал на открытие фестиваля. Даже из других городов генеральные директора и их замы прибыли, а он сам отсюда родом и не приехал, – продолжала гнуть свою линию Юля.

– Как же не приехал? – удивился словоохотливый водитель. – Приехал он! В гараже мужики говорили, что в аэропорт за ним джип послали!

– Но я его на фурушке не видела, – убежденно ответила Юля и посмотрела на Виктора, – мы бы интервью у него взяли.

– Анатолий Степанович что-то путает, – сурово произнес Бубнов с переднего сиденья, – если бы Дмитрий Захарович прилетел на фестиваль, он бы естественно присутствовал на торжественном открытии.

Журналистка замерла, обдумывая слова и поведение Александра. Куда девался веселый интеллигентный юноша, с которым она познакомилась два дня назад? Почему, когда разговор заходили о господине Мостовом, он сразу становился напряженным, а в его голосе звучали тревожные нотки?

– Саня, а ты что закончил? – спросил Виктор, а Юля благодарно посмотрела на оператора.

– Филфак, – просто ответил тот, сразу смягчившись, – в Оренбургском государственном университете.

– Давно? – задал очередной вопрос Николаев и озорно подмигнул Юле.

– Прошлым летом.

– Надо же, сразу после ВУЗа попал на работу в такую крупную компанию, – прокомментировала журналистка, – у нас только специалисты со стажем устраиваются в «Нефтегазмет» и то, по большому благу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.